

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ЦАРЬ ПЁТР – ПРОПОЙЦА ИЗ РОСЛАВЛЯ
Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I*

Самозванцы – народ, не слишком склонный к арифметике. Прикидываясь монархом, часто было сложно сориентироваться во времени. И в конце XVII века почти одновременно проявились «двойник» юного Петра Великого и мифический сын сто лет как покойного Ивана Грозного...

№ 27. «Царь Пётр Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича»
[25/30 марта ? – 28 апреля 1690] – Терентий Прокофьев сын Чумаков

Первый из числа известных нам лжепетров был российским подданным и православным. Терентий Чумаков родился примерно в 1664 году в Рославле (Смоленский уезд) в семье посадского человека. После смерти отца был записан в посад, но по-прежнему жил вместе с матерью Анютой, Никитиной дочерью, которая зарабатывала на жизнь «работою своею». Жизнь её с сыном была нелегка – вот что она потом вспоминала: «А был де он, Терёшка, зерщик и бражник и пропойца, и её де, мать свою, бивал, и за воровс[тво] он, Терёшка, бит в Рословле кнутом, и была де на нём, Терёшке, падучая болезнь, и временем де он и в уме м[утил]ся». Кроме того, будущий самозванец «в Рословле скитался промеж двор, и написан был в стрелецкую службу», однако сбежал из города.

26 или 27 декабря 1689 года Чумаков отправился в Москву. Там он, по его словам, «бродил меж двор», а 25 марта 1690 года пошёл обратно домой. В то время Терентий выглядел так: «...Ростом средней, волосом рус, ус проседает, бороду бреет, под щеками рубцы – знатно, была болезнь».

До Можайска наш герой добирался пешком вместе с четырьмя попутчиками, перед которыми по пути (вряд ли позднее 30 марта) и «проявился» в образе молодого

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10.

государя. Трудно сказать, почему он это сделал. Возможно, идея монархического самозванства родилась у него под влиянием слухов о раскрытом заговоре Фёдора Шакловитого¹ против царя Петра, а также того факта, что с июля 1689 года государи пребывали вне столицы – в селе Преображенском. Однако попутчики самозванцу не поверили – видимо, потому, что он был беден и выглядел как настоящий бродяга. Кроме того, не исключено, что он вёл себя не совсем нормально. Как вспоминал сам Чумаков, попутчики «розошлись с ним в Можайску, а ево де, Терёшку, покинули для того, что де он, Терёшка, будто глуп и приведёт де им беду».

Из Можайска самозванец, уже в одиночку, двинулся к Смоленску. Он шёл через Вязьму, Дорогобуж, село Ельню, «а в тех де местех сказывался он прохожим человеком. А съ Елни де шёл он днями и сошёлся в Смоленском уезде в маестности (вотчине. – О. У.) Андрея Глинки в деревне Лучасе с попом...»

Итак, 26 апреля 1690 года самозванец в Лучасе повстречал попа Викулу, приехавшего из села Прудки (принадлежало генерал-поручику Денису Швейковскому), где служил в

Никольском храме. Чумаков опять представился государем, но это уже ему с рук не сошло. Викула отвёл его к «шляхтичу» Глинке, и тот, услышав притязания Чумакова, задержал его, после чего вместе с попом отвёл в Прудки. Самозванец и Швейковскому заявил: «Я – царь Пётр Алексеевич». Генерал велел его заковать в кандалы, и когда это было сделано, отправил самозванца в Смоленск со своим «заворным человеком» (холопом) Викторком Васильевым и с «проводжатыми» из местных крестьян.

28 апреля Васильев явился на двор смоленского воеводы князя Фёдора Шаховского и сообщил ему о задержании самозванца. Извetchик также поведал, что он «того человека поставил под Смоленском в полуверсте с проводжатыми...». Сразу же за лжемонархом был послан вместе с Васильевым «от приказной полаты дневалной с караулу капитан Василей Андреев», который и доставил самозванца в приказную палату. Тут же воевода начал следствие, которое уложилось в один день.

При «роспросе» Чумаков «сказал самые непристойные и великие слова: "Я де князь", что де болши ево на Москве нет, а имянем де Пётр Алексеев сын. А постояв, сказал: отец де ево – царь Алексей Михайлович, а он де сын ево – царь Пётр Алексеевич, и пошёл де с Москвы тайно розсматривать земли своей и хто де что про них говорит, а на Москве де остался брат ево царь Иоанн Алексеевич». Затем он поведал о своём путешествии по маршруту Москва – Можайск – Смоленск, подробно описал своих спутников, назвал их имена и даже указал, кто где жил до встречи с ним и как зовут их жён. Оказалось, что двое пошли из Можайска на Псков: один «породою москвитин», другой «породою черкашенин (украинец. – *О. У.*) чигиринец», но оба жили в Москве, и если «их не задержат, быть им в Швецкой земле». На Украину же пошли москвич «породою городской сын боярской» и некий гулящий «боярский человек», а с Украины «быть им в Цесарской земле» (на территории Священной Римской империи. – *О. У.*).

В ходе нового «роспроса» – перед пытками – Терентий отказался от мифической ипостаси, сообщив своё настоящее имя и коротко сказав об отце и матери. «А что де он назывался таким великим имянем, и то де он чинил вне ума своего, и в той де ево вине, что он назывался таким великим имянем, волны великие государи».

Тем не менее он был «пытан накрепко». Судя по всему, Чумакова спрашивали, кто его научил взять имя одного из «великих государей». В ответ «он, Терёшка, говорил: таким де великим именем называтца велели ему те вышеписанные товарищи ево четыре человека». Он также сообщил, что те двое, которые пошли «на Псков и в Свийскую немецкую землю», – это «Федкины люди Шакловитого», а другие двое, которые собирались через «черкасские города» пройти «в Литву и в Цесарскую землю», – это «князь Василевы люди Голицына»². При этом и «писма де у них с Москвы были», и «он у них слышал, что ис тех государств быть им опять к Москве».

Эти сведения весьма озаботили смоленского воеводу. 28 же апреля он послал в Москву «отписку» с известием о поимке самозванца, приложив к ней запись «извета» и материалы следствия. Одновременно были разосланы письма в Рославль «и в ыные смоленские пригороды», а также в дворцовые сёла Смоленского уезда «о сыску и о поимке товарищев ево, Терёшкиных».

В ответ на «отписку» Шаховского ему из Москвы 7 мая была отправлена царская грамота, где повелевалось «мать того вора взять из Рословля в Смоленск и роспросить», а после «роспроса» держать в Смоленске «за приставом до указу», самозванца же, «оковав», прислать в Можайск, там оставить его «до указу», но о его прибытии сообщить в Приказ княжества Смоленского.

Параллельно начался поиск «товарыщей» самозванца. Для этого были выделены московские стрельцы (они приехали в Смоленск, видимо, 12 мая; командовал ими полковник Иван Буш). Были посланы грамоты в Севск, Киев (гетману Ивану Мазепе), в Новгород и Псков – с приметами «товарыщей» самозванца, дабы их перехватили и прислали к Москве. Были также проверены «росписи» бывших крепостных людей Шакловитого и Василя Голицына, – нет ли среди них лиц, о которых говорил самозванец?.

Поиски свидетелей «проявления» оказались безуспешными. Люди с именами и приметами, указанными Чумаковым, не числились ни в тех московских слободах, где они якобы жили, ни в списках бывших крепостных Голицына и Шакловитого. Не представляли для властей интереса и двое беглых, задержанных в Изборске. Вполне вероятно, что Чумаков дал о своих давних попутчиках неверные сведения.

12 или 13 мая 1690 года самозванец был отправлен из Смоленска в Москву, но 15 мая «на реке Днепре на Пнёвском перевозе умре»: видимо, сказались перенесённые им пытки. Сопровождавший лжемонарха капитан Яков Бочаров сразу же сообщил о его смерти в Смоленск. В тот же день воевода велел «ево, Терёшку, погреть в селе Пнёве от церкви и от кладбищ в далнем месте при сторонних многих людех». Приказ был исполнен, вероятно, до 16 мая.

А тем временем власти добрались до матери Чумакова Анюты. 12 мая в Смоленске получили царский указ о её аресте, и тотчас в Рославль отправился «нарочный посыльщик» с приказанием, дабы воевода Пётр Воеводский Анюту «роспросил». Он это сделал, и она сообщила, что у неё действительно есть сын Терентий, который ушёл из дому и не вернулся. Её показания были получены в Смоленске 14 мая. Тут же опять послали в Рославль «посыльщика», дабы он привёз и саму Анюту. 17 мая в Смоленске она признала в самозванце своего сына и дала ему уничижительную характеристику, приведённую выше. После этого её посадили под караул на дворе у полковника московских стрельцов. Она была освобождена после получения в Смоленске царской грамоты от 20 июня 1690 года. Этот документ содержал выговор смоленским управителям: нельзя было пытаться самозванца, «не описався о том к ним, великим государем».

Источник

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4078а.

28. «Царевич Иван, сын царя Ивана IV Васильевича» [21–26 октября 1690] – Иван Васильев сын

Этот самозванец был российским подданным и православным (скорее всего, «старовером»). Если ему верить, родился он примерно в 1650 году. Местом его рождения был, скорее всего, Белгород. Его отец Василий Иванов сын был белгородским посадским человеком. Впрочем, власти не были уверены в этой информации и проверяли её у посадского населения Белгорода, но результатов проверки мы, увы, не знаем.

Иван Васильев умел читать и писать

[с. 69]

по-русски, а также, как он утверждал, на других языках. По крайней мере, он мог общаться на персидском и турецком.

О его внешности сведений нет. Зато можно полагать, что в последние годы перед арестом он страдал глазами. На первом допросе в Разрядном приказе он заявил: «А ныне де писать он не станет, для того что не видит». Спустя три дня по просьбе надзирателя он прочёл на обрывке бумаги пару строк, после чего сказал: «[Ны]не чест[ь] писма не вижу».

О жизни Васильева до ареста мы знаем лишь по его сбивчивым и путаным показаниям. Вероятно, он рано осиротел, ибо «сошёл из Белгорода в малых летех и ходил по городам, кормился Христовым именем...» Если предположить, что он стал нищим бродягой в 7–10 лет,

можно это датировать 1657–1660 годами. Бродяжничал он около 30 лет, правда, с двумя перерывами.

На следствии он поведал, что «были де у него две жены – Дарья да Матрёна, да сем сынов, а где ныне они живут, и как детем ево имяна, и в том... против роспросу безмолствовал». Если о первой жене ничего не известно, то о второй Иван сообщил вот что: «И женат был в Беле ж городе – была за ним белгородца Алексеева доч[ь] Матрёна. И как де он пошёл из Белагорода, и жена де ево умре, а жил с нею три года».

В середине 1687 года «ходил он Камою на стругах с солью в Казань и в Казани жил трои сутки у посацкого человека, Васкою зовут...». По всей видимости, к весне 1688 года он проделал путь по маршруту Дон – Белгород – река Самара (левый приток Днепра) – Киев. На Дону Иван стал свидетелем и, возможно, участником борьбы донских «староверов» с «никонианами»³. Как он сам потом рассказывал, «хотел де он управить веру и был на Дону и на Самаре, а был де он при Фроле Минаеве. А которая де сила была в Паншину, и та де жива...»; «А на Дону де он был при Фроле Минаеве. А что де донского атамана казнили на Москве, и того де он знал».

Минаев был войсковым атаманом с 1680 до конца декабря 1686 года и с августа 1687 по 1700 год. Он возглавлял донских «никониан» – казаков, готовых подчиниться Москве. Сторонников же донской автономии и «староверия» возглавлял Самойла Лаврентьев, который был войсковым атаманом вместо Ф. Минаева с конца декабря 1686 до августа 1687 года. По требованию правительства 12 апреля 1688 года он был отправлен в Москву, где 10 мая принял смерть. Скорее всего, именно его имел в виду И. Васильев под казнённым «донским атаманом». Упоминание же о «силе», видимо, относится к «раскольникам», обитавшим близ Паншина городка и погибшим от рук «никониан».

Если верить Ивану, весной 1688 года (возможно, спасая свою жизнь) он отправился в Киев, «а ис Киева к Гнилому (Азовскому. – *О. У.*) морю, и был в крымских городках, а в которых – не помнит...» В середине мая 1689 года он стал свидетелем Второго крымского похода Василия Голицына: «А как де князь Василей Голицын ходил под Перекоп, и в то де время был он в Перекопи». После отступления русских полков Васильев направился на Дон, а оттуда к Москве через Белгород и другие «русские городы».

В столице будущей самозванец оказался летом 1689 года и «жил неделю у московского жителя Ивашка...». Затем он отправился в паломничество на Среднюю Волгу: посетил Макарьев Желтоводский монастырь, Нижний Новгород, Арзамас, Алатырь, «и ис тех де городов пришол он к Москве. И жив на Москве у него ж, Ивашка, судки, и пошёл в Вязму, а из Вязмы был во Пскове...» Затем Васильев побывал «на Вологде и на Кубенском озере в Каменном монастыре (Спасский монастырь на озёрном острове. – *О. У.*) – ходил по обещанию молитца...». Потом он вернулся во Псков «и оттоле пошёл было к Москве, и поворотился, не доходя Москвы, в Смоленск».

30 сентября 1690 года Иван пришёл в Вязму, где его задержали, а потом и арестовали – как бродягу. Поскольку перед воеводой он сказал о себе лишь то, что «родом псковитин», и больше ничего не говорил, то с ним поступили в соответствии с царским указом о «пришлых неизвестных людях» – отправили в Москву в Разрядный приказ.

В столицу он прибыл 21 октября. В тот же день его «роспросили», и перед подьячим Разрядного приказа Василием Буслаевым он предстал в своих мифических ипостасях. Хотя Иван говорил чрезвычайно сумбурно, его откровения можно поделить на четыре части.

Во-первых, это притязания на монарший статус: «Зовут де его Ивашком, а отец де у него был царь Иван Васильевич, а был де он царём на Москве тому ныне лет со сто. А он де родился от него, а женат де он не был». «А он де посылал грамоты по русским городом русским языком сам, что он – царя Ивана Васильевича, и оне б то ведали».

Во-вторых, в речах Ивана проявилось самозванство религиозное: «И которые де люди глазами не видят и руками и ногами не владеют, и те де болящие молитвою ево здравы бывают. А по их де молитву творят: «Суйсе Христе, помилуй нас!». А крестил де себя он сам. А живёт

де он на небесах, и ходит де он на небеса в дирю, а принимают де ево ангилы. А котороя де душа зделала добро, добро и будет. А как он ходил, и к нему пришли ангелы, тысеца ангелов, да шестьсот казаков донских. А казаки де и ангилы ели мясо, а он де говел и мяса не ел. А которые де люди мяса едят, и те пойдут на тот свет». «Да у него ж де есть гусы, и как их пошлёт, и они полетят и голову свою съедят, и он их оживит. А на небеси де болши ево нет». «А он ныне под паствою Божию».

В-третьих, самозванец кратко изложил свою биографию, где реальные факты были

[с. 70]

сплавлены с вымышленными: «А как он пошёл из Орды к Москве с казаками, и на Москве хотел женитца на русской, и бояря де ево не женили; а как бы де ево женили, так бы де хорошо было. А взять было ему у болшово боярина, а женяс[ь], бы пошёл в свою Белгородцкую орду, а в Белгородцкой де орде все ево знают, и отголе б послал ангелов». «А на Москве де бывал боярин Терентей Семёнов, крещёной, и на Москве де был сем лет, и послал брата своего в Белгород и за Белгород под Келчь-городок». «И пришол в русские города тому ныне другой год. А послали де ево казаки, а было де их триста человек, а пошли де они все около Москвы по городом. А он де им сказался Иваном, царя Ивана Васильевича сыном, и чтоб де они не мешкав, а он идёт за ними, и послал во всю Москву, чтоб про него ведали, а ходили б, прося милостыни». «А как де он шол с казаками, и велел им сказыват[ь], что де к Москве идёт сын царя Ивана Васильевича, и они б, московские люди, ево женили. И грамоты де он писал своею рукою и отдавал ангелом».

В-четвёртых, самозванец туманно сообщил о своих планах: «А он де, Ивашко, пошёл в Крым по-прежнему...»; «И ныне пошёл было к тотаром и хотел их приводит[ь] к вере, чтоб они крестилис[ь]». Кроме того, он, видимо, собирался восстановить «старую веру» на территории Российского государства: «А как де на Москве живёт дым, и ангелы де не терпят, чтоб неверных не было»; «И, написав в книги, пошлёт грамоты во многие города – вь Ерославль, в Нижней [Новгород], в Муром, вь Юрьев, чтоб крестилис[ь] все до малого».

Обращает на себя внимание то, что лжецаревич противопоставляет себя «боярам» и считает своей опорой донских казаков. Это известные стереотипы народного монархизма XVII–XVIII веков⁴. Что касается его второй ипостаси, то, вероятно, он видел себя Богом (Саваофом?).

Как бы там ни было, показания И. Васильева были столь сбивчивы, что его заподозрили в сумасшествии. С 25 октября по 15 декабря 1690 года его осмотрели четыре доктора и пришли к заключению, что он болен «меланхолией» или «ипохондрией».

Самозванец был в оковах, но сидел в тюрьме Разрядного приказа не один – вместе с другими колодниками. У них сложилось впечатление, что Иван далеко не прост. Так, 25 октября заключённый Евдоким Кондратьев донёс, что «розговаривал де он с колодником Ивашкою, отколе он. И ему сказывался: из Белагорода, а послано де их много; а свиного де мяса он не ест, а ест гусы, а куры да уток не ест». Кондратьев также сообщил, что самозванец «иные посторонние речи простые говорит... как разумные». Но если кто-либо «станет к нему пристава[т]... и он... заговорит иную реч[ь] да усмехаецца». А как-то, беседа с товарищами по несчастью, Иван оборвал себя: «Что де вам говорит[ь] много – вы де всё выведываете и из ума де выводите меня. Мне де боле говорит[ь] – боле де мне и будет».

Тогда же, 25 октября, стольник Василий Александров сын Даудов по поручению следователей проверял Ивана на знание восточных языков: будучи в тюрьме, «говорил де он ему, Ивашке, турецким, татарским, персидским, армянским, и он, колодник, ничего с ним ни которым языком не отговаривался, а говорил он, что де он теми языки говорит не умеет». Однако после ухода Даудова самозванец подошёл к Кондратьеву и спросил: «Знаеш[ь] ли де ты, каким он говорил языком?» Евдоким сказал ему: «Я де не знаю». И тогда Иван сообщил, что стольник – «породы... кызылбашкой и говорил ему кызылбашским (персидским. – О. У.)

языком». Когда же Евдоким его спросил: «Что де ты с ним не говорил?», – Иван ответил, что «ему де с ним говорить нельзя, а естли б де ему с ним говорить, так себе болши беды учинить».

26 октября 1690 года состоялся второй «роспрос» Васильева. Он сначала повторил свои прежние показания, но затем отказался от монаршего статуса, правда, тут же перейдя к вельможному самозванству. «И колодник Ивашко говорил: как бы де великие государи ево отпустили по-прежнему кормитца милостынею, и он бы вину принёс. Да того де опасно, что хотя и вина принес[ё]тца, отпуску не будет. А вину де бы он принёс и правду сказал в те поры, как бы ево свободили. И посидев немного, стал говорит[ь]: назывался де он сыном царя Ивана Васильевича собою, и никто де ево не научал. А он де русской породы, родился в Белгороде, отец у него был дворянской породы, Семёном звали, а чей сын и по которому городу служил, того не помнит».

Иван также сообщил свой возраст, кратко поведал о второй жене и о своих похождениях после её смерти. Среди прочего он заявил: «И з Дону де послал ево атаман донской Семён Григорьев с казаками, про которых он сказал преж сего, в русские города, а чтоб ходили нищенским образом, просили милостыни. И он де шёл через русские города, а через которые – не знает, нищенским образом». Вспомнив о своём аресте в Вязьме, он прекратил давать показания: «Да ныне де, – говорит, – полна, я де устал. Всё де вы меня выведываете, а я де ныне грамоте не умею. А сказал бы де всё в те поры, как бы меня выпустили. А ныне де ничего болши того говорит[ь] не стану».

Незадолго до 27 декабря по ходу третьего «роспроса» произошло повторное саморазоблачение самозванца. Лжецаревич и лжебог наконец-то сообщил о себе реальные сведения: как его зовут, как звали отца и кем тот был, каким образом и когда Иван стал бродягой.

Между 27 декабря 1690 и 8 января 1691 года следователи получили новую информацию к размышлению. Полковник Ян Гранковский, тоже заключённый, спросил по-турецки самозванца: «Знаеш[ь] ли де язык по-турецки?». И тот ему ответил по-турецки: «Знаю». Из этого Гранковский заключил, что И. Васильев – «Белогороцкой орды волошенин⁵ и по-турецки и по-волошки говорит[ь] знает».

8 января 1691 года «он, Ивашко, привожен в застенок к пытке и роспрашиван, и руки у него кладены в хомут». Его новые показания, очевидно, мало что прояснили. Сначала он подтвердил, что его отцом был белгородский посадский человек Василий Иванов сын, но затем заявил, что «родился де он на Каме реке». Потом он рассказал о своём плаванье на стругах с солью в Казань, о том, что дважды был женат и что у него семь сыновей.

В конечном итоге Ивана официально признали безумным и 11 января 1691 года приговорили к ссылке в Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь. Там должны были «держат[ь] ево под крепким началом, а во время церковного пения приводит[ь] ево к церкви по вся дни, а с монастыря ево спускать отнюд[ь] не велет[ь]», при этом надлежало смотреть, «чтоб он в безумстве своём ни с кем лишних слов не говорил»; если же придёт в разум, то писать об этом в Разрядный приказ. К месту заключения Васильев был отправлен 12 или 13 января 1691-го. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Источники

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 1304.

Зенбицкий П. Н. Сумасшедший самозванец // Живая старина. 1907. Вып. 3. С. 153–157 (в публикации много ошибок).

Литература

Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000. С. 125–127 (в цитатах много ошибок).

Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М. 2002. С. 122–123.

Примечания

1. Фёдор Леонтьевич Шакловитый (Щегловитый) – крупный сановник из ближайшего окружения царевны Софьи Алексеевны; 12 сентября 1689 г. был казнён по обвинению в организации заговора против Петра I.
2. Князь Василий Васильевич Голицын – выдающийся государственный деятель, фаворит царевны Софьи Алексеевны; в конце 1689 г. был отстранён от власти и отправлен в ссылку.
3. См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб. 1889. С. 120–203.
4. См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь. 1994. С. 33–34, 56; Тверь. 1995. Ч. 2. С. 10–15, 21–27, 55–57; Тверь. 1997. Ч. 3. С. 45–46, 51; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000. С. 127.
5. Волошенин – уроженец Валахии, княжества на территории современной Румынии и Молдавии.